

Барон Пьер де Кубертен

Любодраг Симонович, Белград (Сербия)

ОЛИМПИЗМ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК «ИЗБРАННЫЙ» КУБЕРТЕН

[статья вторая]

СОВЕТУЯ НАЦИСТСКОМУ РЕЖИМУ, КАК ИЗ «АРИЙЦЕВ» СОЗДАТЬ «КРАСИВУЮ СПОРТИВНУЮ РАСУ», КУБЕРТЕН ДЕЛАЕТ ВЫВОД: «НЕЛЬЗЯ БУДЕТ ВЛАСТВОВАТЬ В ИНСТИТУЦИЯХ, ЕСЛИ СНАЧАЛА НЕ ВЛАСТВУЕТСЯ В ГОЛОВАХ...»

Н

есколько лет назад Международный олимпийский комитет выпустил в свет "Избранные тексты" Кубертена ("Textes choisis", 1986), которые нельзя было найти ни в одном библиографическом списке, к которым у меня был доступ. Игрой случая в мое распоряжение попали все три тома этого издания, содержащего свыше 2 000

страниц. На первый взгляд - достаточно для того, чтобы оспорить мою прежнюю констатацию о том, что основная деятельность олимпийских господ состоит в том, чтобы предупредить появление на свет дня сочинений их болтливого "папы". Между тем, когда имеется в виду, что литературское наследие Кубертена, которое он доверил на хранение нацистам, составляет свыше 60 000 страниц, тогда можно предугадать, что и издание такого объема может быть произведением манипуляции делом Кубертена.

Ориентация на "Избранные тексты" дала возможность составителям издания по своему нахождению сделать не только выбор между целостными текстами, но и "шинковать" объемные дела Кубертена и давать те их части, которые вписываются в картину, которую они хотели бы создать о Кубертене и его деле. На сколько их выбор из работ Кубертена дает возможность познакомиться с содержанием Кубертеновой олимпийской идеи и понять ее сущность, можно настоящим образом увидеть только тогда, когда сочинения Кубертена будут полностью доступны широкой, прежде всего, научной общественности. На основании объявленных книг, писем, статей, речей, эссе Кубертена, которые мне удалось получить (из которых большая часть не печаталась заново), возможно сделать несколько примечаний.

Основным намерением составителей было извлечение олимпийской идеи Кубертена из исторического контекста и отделение ее от жизненной (политической) философии Кубертена и его общественного (политического) ангажмента. Это предопределило выбор текстов Кубертена, целостности, в которой они изложены, а также форму их представления. Кажущаяся "аполитичность" издания - выражение настояния замаскировать, прежде всего, политический фон, а самым тем и настоящий смысл олимпизма Кубертена.

"Избранные тексты" основываются не на научном (историческом), а на мифологическом подходе к Кубертену и олимпийской идее. Целью их издания было не объективное ознакомление общественности с делом Кубертена для того, чтобы читатель смог создать свое мнение и сформировать свое отношение к олимпийской идее Кубертена, а возвращение веры в олимпийский миф во времена, когда ощущается полная коммерциализация и политизация олимпийского движения.

Уже в предисловии к "Избранным текстам" Хуан Антонио Самаранч, президент МОК, выдвигает положение о мысли и деле Кубертена, которое было идеей-путеводителем при выборе текстов: "Пусть пламя, которое они зажгли в сердце человека, озарит наш мир в поисках его судьбы!"

Можно без преувеличения сказать, что "Избранные тексты" представляют собой одну из пропагандистских акций МОК, который любым способом старается доказать, что существует идейный континуитет олимпийской идеи Кубертена и практики сегодняшних лидеров олимпийского движения. Те же, кто Олимпийские игры превратили в банальный "show-business" и расправились с педагогическим (моральным) характером олимпийского движения (без чего нет олимпизма Кубертена), пользуются олимпийскими символами, мифом о Кубертене и беспощадно уродуют его дело для того, чтобы приобрести "олимпийский" легитимность (законность) для своих все более бесскрупулезных махинаций Олимпийскими играми и олимпийским движением.

В желании приспособить олимпийскую идею Кубертена к современности редакторы дошли до того, что тексты там, где они это считали нужным, они сопровождали "информационными" введениями, преимущественная роль которых состояла в устранении каких-либо сомнений в "гуманизме" Кубертена - таком, какой ему официально приписывался. Так как, несмотря на тщательный выбор, проскользнули некоторые положения Кубертена, которые даже и у верных поклонников олимпийской мифомании могут вызвать замешательство.

На характер "Избранных текстов" может быть лучше всего указывает состав редакции, которая подготовила издание.

Прежде всего, Институт "Карл-Дим" из Кельна выполнил основную работу по сбору материала для издания. В редакционном совете, назначенном МОК, находились: Жофри де Навасел (Geoffroy de Navacell) как представитель семьи Кубертена; проф. Лизелот Дим (Liselott Diem), проф. д-р Франс Лоц (Franz Lotz) и проф. д-р Норберт Мюллер (Norbert Müller) - руководитель проекта как представители Института "Карл-Дим"; проф. Жорж Рио (Georges Rioux) как член Международного комитета "Пьер де Кубертен" (Comité International Pierre de Coubertin); д-р Герман Лоттер (Hermann Lotter) и проф. д-р Август Кирш (August Kirsch) как члены Национального олимпийского комитета (западной) Германии; Александру Сиперко (Alexandru Siperco) из Бухареста и Раймонд Гафнер (Raymond Gafner) из Лозанны как представители МОК.

Предисловие к "Избранным текстам" "в знак почтения", которое МОК выражает Кубертену, написал, как мы видели, Хуан Антонио Самаранч. Введение к первому тому (и комментарии) написал Жорж Рио, ко второму тому - Норберт Мюллер, а к третьему - этот же автор в сотрудничестве с Оттом Шанцом (Otto Schantz).

КОЛОНИАЛИЗМ И РАСИЗМ

Оттолкнемся от комментария Мюллера к тексту Кубертена, объявленному в 1931 г. под названием "Спортивная колонизация": "В своей статье, написанной для Б.И.П.С (Bureau International de Pedagogie Sportive - прим. автора), Кубертен оценивает успех олимпийского движения в связи с пропагандой спорта. Слово "колонизация" ни в коем случае не должно создавать впечатление, что Кубертен представлял "расистскую" точку зрения. Наоборот, он подчеркивает в записи из 1912 г., что здесь не должно идти до победы одной расы над другой" [P. d. Coubertin, "Colonisation sportive", 1931 г., в: Pierre de Coubertin, Textes choisis, II том].

О чем в действительности идет речь в "Спортивной колонизации", видно сразу же в начале. Поддерживая решение МОК от 1923 г. об "освоении" Африки и учреждении "Африканских Игр", Кубертен считает ошибочной позицию, представленную в "Revue Olympique" в январе 1912 г., о том, "что победа подчиненной расы над властвующей могла бы получить опасное значение и рискует быть использованной местным общественным мнением в качестве подбадривания к мятежу". Сразу же затем Кубертен добавляет: "Немцы не боялись вести спорт в своих колониях, хорошо оснащенных, среди туземцев; англичане в Индии не подстрекали много это движение, но и не препятствовали ему. Италия благосклонно приняла идею, не имея достаточно времени раздумывать о ней много. Франция была той, которая ей воспротивилась. Алжир лишен чести торжественно открыть Африканские Игры" [Там же].

Кубертен во время кризиса капиталистического порядка после Первой мировой войны требует от колониальных сил разрешить (а не признать право) колонизированным народам ("низшим расам") заниматься теми видами спорта, которые не могут внести вклад в угрозу возрожденному колониальному порядку (быть обучением или подстреком к освободительной борьбе поработанных народов), а также принимать участие в Олимпийских играх и других международных состязаниях под патронатом колониальных властей.

Здесь необходимо вспомнить исключительно значительный текст, когда речь идет о понимании Кубертеном отношений спорта и колониализма, который в 1912 г. объявлен под названием "Спорт и колонизация". Совсем известно, что составители "Избранных текстов" имели перед собой эту статью (появилась и в 1913 г. в сборнике текстов Кубертена, носившем название "Essais de Psychologie Sportive", несколько текстов из которого включено в "Избранные тексты"), для которой не нашлось места.

В этом тексте Кубертен подробнее разрабатывает свой тезис, что "спорт, другими словами, может играть свою роль в колонизации, и то интеллигентную и эффективную роль" [Pierre de Coubertin, "Les sports et la colonisation", в: "Essais de Psychologie Sportive, Librairie Payot, Lausanne et Paris, 1913 г., с. 234], что недвусмысленно указывает на (колониалистическую и расистскую) оборотную сторону его настояния распространения спорта среди колонизированных народов. То, чего Кубертен требует от колониальных властей, - показать больше соучастия к "туземцам" и разрешить им занятия спортом, что в конечном итоге должно внести вклад в интеграцию "низших рас" в возрожденный порядок расовой доминации. "Туземцы" на спортивных площадках должны

были научиться уважать своих белых государей. Спортивные арены должны были бы быть местами, на которых должно было бы произойти "сближение" "высшей" и "низших" рас, государей и слуг, хозяев и работников... К своему первоначальному классовому патернализму (как и патернализму, касающемуся отношений мужчин и женщин) Кубертен добавил и расовый патернализм.

Положительным в комментарии Мюллера является то, что он "помог" нам увидеть, что для Кубертена свобода ("низших рас", конечно) не является условием, т.е. рабство не является препятствием возрождению и функционированию "международного" олимпийского движения. И в этом случае поднимается вопрос, на сколько идеологи нацизма имели права, когда утверждали, что "арийская раса" является легитимным (законным) наследником олимпизма Кубертена? Нельзя забывать, что Карл Дим, говоря об олимпийском движении и нацистском "новом порядке", как раз и имел в виду олимпизм Кубертена как орудие обеспечения расовой доминанции. Не случайно проф. Мюллер - последователь Дима в своем предисловии ко второму тому "Избранных текстов" настаивал на том, что "воодушевленный" призыв Кубертена к олимпийским факелоносцам в 1936 г., в котором Кубертен приветствует рождение фашистской Европы и фашистской Азии, является "составной частью его олимпийского завещания".

В связи с уже сказанным находится и примечание, что Эвери Брендидж был не первым президентом МОК, который поддерживал южноафриканский расистский режим и его систему апартеида, им был Пьер де Кубертен. В начале XX века, в эпоху своего величайшего олимпийского вдохновения, Кубертен пишет: "Не забудьте, под каким режимом развивались южноафриканские рудники (...) Разве нет ничего, что ближе рабству, чем эта институция там? Но она вообще не оскорбляет человеческого достоинства, так как, разумеется, является английской!" [Pierre de Coubertin, в: "La Revue du pays de Saux", 1903 г., N° 1, в: Jean-Marie Brohm, Le mythe olympique, с. 399, Christian Bourgois Editeur, Paris, 1981].

Было бы интересно узнать, что Ив-Пьер Булонь думает о колониализме и расизме Кубертена: "Завоевание колоний покоится, по его мнению, на началах божественного права, то есть на убеждении, что человеческие расы отличаются между собой своей ценностью и что белой расе, которая по своей природе стоит над другими расами, все они должны полностью подчиняться." [Ив-Пьер Булонь, «Олимпийский дух Пьера де Кубертена», с. 215, Народная книга, Белград, 1984]. И далее: "Утверждать, что никто не может с правом приступить к европеизации других народов, что этнические религии по своей ценности равны христианской религии, что представитель черной или желтой расы отличается от белого человека, но как человек ценен на столько же, на сколько и он - это, - говорит Кубертен, - приятные софизмы, достоверность которых защищается в салоне для курящих, но которые не имеют ценности и не эффективны: они представляют парадокс, связанный с декадентской, который может вызвать у нас на лице мимолетный осмеяние, но который никогда не следует принимать как правило поведения." [Там же].

Между тем, Булонь утверждает, что, когда речь идет о колониализме и расизме, "между позициями Кубертена из периода до 1914 г. и его позициями из периода после 1918 г. существует огромная бездна." [Там же, с. 127]. "Итак, до 1914 г., - продолжает Булонь, - политические позиции Кубертена представляли собой только позиции классических французских правых, в нем благородство, стремление к развитию интернациональных чувств между народами и вера в мощь воспитания человека не очень быстро приходили в столкновение с позициями, которые соответствовали тогдашним общепринятым общественным позициям. Эти его личные моральные ценности будут развиваться все больше и в конце концов перевесят укоренившиеся реакционные позиции." [Булонь, там же, с. 130].

Исторические анализы Кубертена, его политические позиции и политическая практика из периода после Первой мировой войны опровергают правоту Булоня. Так, например, в предисловии к первому тому своей "Общей истории" из 1926 г. Кубертен приходит к выводу, что "опыт и рассуждения все больше признают право восхищенных утверждений пламенных приспешников расового неравенства", что белая раса - "самая чистая, самая интеллигентная и самая сильная." [Pierre de Coubertin, "Histoire universelle", 1929 г., в: Pierre de Coubertin, "Textes choisis", I том, с.354].

На сколько Кубертен освободился от расовых предрассудков, показывает и его отношение к евреям. Констатируя в указанном сочинении, что "еврейский народ не имеет особого места в общей истории ни с политической, ни с экономической точек зрения" и что "в этом отношении его роль является незначительной", Кубертен переходит к изложению его "расовой характеристики" (кавычки Л.С.):

"Евреи в глубине души своей остались азиатами. О них знают не иначе, как только по богатству, которое кто-то из них скопил. Суровые и упорные - в скоплениях, ловкие и лукавые - в делах, они часто становились омерзительными, но из-за их недостатков скрывается упрямый и дикий идеализм, который насильственные преследования, которым они подвергались, только укрепили и которому по большому счету помогло возникновение демократии. Ренан сказал, что семитская раса ввела демократический принцип в общество. Он был введен и без нее, но она здесь помогла, и потому ее Ницше прогласил "мятежной" расой, которая заменила "рабскую мораль" - мораль простолюдья, на мораль хозяев - людей элиты, сильных и красивых. Все немецкие заблуждения и весь современный антисемитизм содержаться в этих словах. Некоторые авторы, с другой стороны, примечают, что не нужно было бы говорить о еврейской расе, так как евреи, разбросанные в течение восемнадцати веков по целому свету, в такой мере смешались с другими народами, что потеряли особенности, которые составляют одну расу. Это ошибочная точка зрения. Истина в том, что, как с помощью веры, так и с помощью пропаганды, многие этнические элементы соединяются с религией Израиля. Но это такая первобытная сила еврейской крови, что несколько ее капель совсем достаточно, чтобы обеспечить ей освоение дома. Это, иначе, не значит, что так называемое "сионистское" движение может привести к созданию в Палестине нового еврейского государства, которое будет сильным и развитым. Будущее рассудит." [Pierre de Coubertin, "Histoire universelle", II том, с.23, в: Jean-Marie Brohm, Le mythe Olympique, с.447].

Кубертен имеет "космополитическое" мнение и об арабах. Комментируя пребывание французского президента Лубе (Loubet) в Алжире и речи, с которыми он по этому поводу выступал, Кубертен констатирует: "М. Лубе простыми словами взывал к простым чувствам: он воздерживался говорить о свободе, равенстве и братстве - словах опасных, если бы они были брошены арабскому простолюдью. Он настаивал на мощи Франции и на выгодах ее владычества, таких, как восстановление мира и надежности в стране; еще он добавлял, что Франция наградит еще большую верность еще большей благотворительностью. Его тон был энергичным и всегда отеческим".

И далее: "Перед Францией открывается очевидная возможность вытянуть огромную выгоду из огромных территорий, которые ей достались по конвенции 1890 г., и то не рассчитывая неосмотрительно на минеральные богатства, на надежное присутствие которых уже указывают многие показатели. Первое, что необходимо сделать, - обеспечить тем надежностью, которой уже давно не хватает. Так как, в противоположность тому, во что верится, Сахара стала негостеприимной не из-за природы, а из-за людей. Эти люди - не ратники и не представляют организованные группы; это - грабители, воров, которые живут за счет убийств и грабежей и которые угнетают в основном добрые и миролюбивые народы, мешая им в развитии..." [Brohm, там же, с.451].

Между тем, экономическая выгода не является той, которая привела к провалу "благородных чувств" Кубертена, речь идет и о стратегических колониальных интересах Франции. Освоение Сахары - этого "гигантского перекрестка", должно, по Кубертену, обеспечить Франции "стратегическую и экономическую доминанцию в этой части света". [Там же].

Колониализм и расизм до конца жизни Кубертена остались фундаментальными постулатами его философии олимпизма. Он никогда не требовал свободы для колонизированных народов (что было бы в полном противоречии с принципами жизни, которые он фанатично отстаивал), он требовал от колониальных сил быть милосерднее к "низшим расам", что, в конечном итоге, должно ступить острие колониального владычества и сделать его более подносимым для покоренных народов.

Кубертен стоял за "просвященный" колониализм (мои кавычки), что значит, за постепенную духовную интеграцию "туземцев" в гражданский порядок - без существенного изменения их положения. Идея "о спортивной колонизации" других континентов является

только составной частью колониальной стратегии Кубертена, которая должна обеспечить полную и вечную доминацию белой расы над "низшими" расами.

Что касается утверждения Булоня о том, что "личные моральные ценности в конце концов перевесят укоренившиеся реакционные позиции", достаточно напомнить, что Кубертен "в конце концов" присоединился к фашистам.

Насколько Кубертен был последователен в отстаивании своей основной идеи о том, что "борьба за жизнь" - универсальный закон, и, как таковой, является основой человеческого (общественного) существования? Исходя из этой идеи, Кубертен оправдывает борьбу за существование в гражданском обществе, борьбу между нациями, колониальные походы...

Между тем, когда уже речь идет о борьбе между расами, Кубертен значительно отклоняется от своей философии жизни. Другими словами, он исходит из факта, что белая раса доминирует над "низшими расами", и вместо того, чтобы как "доверенный" универсальной олимпийской религии отстаивать право каждой расы бороться за доминацию (во всех областях), он оспаривает это право колонизированным народам и советует колониальным силам, как использовать спорт для предупреждения борьбы поработанных народов против колонизаторов. Сведение колонизированных народов к "низшей расе", "туземцам", "грабителям" и "убийцам" - это только способ лишить поработанные народы основного (Кубертеновского) права бороться за жизнь (доминацию).

Что касается якобы "борьбы" Кубертена "за свободного индивиду", он не исходит из того, что человек "рождается свободным" и что люди "равны по рождению", а из того, что принадлежность расе является источником его человеческих (расовых) особенностей и человеческих (расовых) прав. Из факта, что белая раса доминирует над остальными расами, Кубертен делает вывод, что белая раса - "самая чистая, самая интеллигентная и самая сильная", т.е. расово суперприорная, что значит, что человек в зависимости от того, какой расе принадлежит, рождается хозяином или рабом. Для Кубертена в жизни нет "равенства на старте". То, что "низшие расы" получили от белых хозяев право появиться вместе с ними на спортивном поле, не значит, что они признаны равными. Получение права на участие в спортивных состязаниях должно было бы быть компенсацией за отказ от основного человеческого права - права на свободу.

То, чем Кубертен отличался от закоренелых расистов, были не его "благородные чувства", а политический реализм. Страх, что колонизированные народы в моменты серьезного экономического и политического кризиса колониальных метрополий могут восстать и сбросить колониальное ярмо, является основной причиной того, что Кубертен несколько смягчил свою милитаристскую колониальную риторику. Введение спорта в колонии было не "гуманистским", а политическим жестом "par excellence".

В олимпизме Кубертена доминируют три идеи, которые и сегодня представляют источник консервативнейших политических концепций и движений: безоговорочная покорность рабочих "хозяевам" (владельцам средств производства, т.е. капитала); безоговорочная покорность женщины патриархальному порядку; безоговорочная покорность "цветных народов" колониальным метрополиям (белой расе). Рабочие, женщины, представители поработанных народов не имеют ни начальных человеческих, ни основных (политических) гражданских прав. Милость хозяина составляет источник "их" прав, которые приобретаются постоянным выражением покорности. Слова Лубе о том, что "еще большая верность будет награждена еще большей благотворительностью", представляют собой формулу обеспечения "общественной правды" (Кубертена).

Кубертен перед Первой мировой войной воспротивится настояниям поставить одну нацию в рамках белой (европейской) расы над другими таким образом, что она будет провозглашена особой расой, имеющей такие врожденные особенности, которые делают ее суперприорной не только по отношению к "цветным расам",

но и по отношению к другим европейским народам. Конкретно, речь идет о пангерманизме и настоянии великогерманских кругов включить даже и эпоху возрождения в немецкое духовное наследие таким образом, что, кроме прочего, будут онемечиваться и такие художники, как Леонардо да Винчи (Wincke), Джотто (Jotte), Буонаротти (Bohnrödt) и другие. [См.: P.d.Coubertin, "L' eugénie", 1912 г., в: P.d.Coubertin, "Textes ...", I том, с.599-602].

В этом контексте необходимо понимать и утверждение Кубертена из того же времени о том, что США - страна, в которой не верят в расовую противоположность, которое он подкрепляет фактом, что в ней "все европейские происхождения сливаются и смешиваются таким невероятным образом." [Там же, с.601]. Так как Кубертен присутствовал на Олимпийских играх в Сент-Луисе в 1904 г., на которых для "цветных спортсменов" как представителей "низших рас" были организованы так называемые "антропологические дни". В остальном, сам Кубертен в своих путевых заметках из Америки из 1890 г. указывает, что белые обращаются с неграми "как с собаками." [P.d.Coubertin, "Universités Transatlantiques", 1890 г., в: P.d.Coubertin, "Textes ...", I том, с.130]. К сожалению, когда речь идет об интересах европейских колониальных сил, Кубертена оставляют "благородные чувства" и он становится беспощадным расистом.

Что касается отношения Кубертена к нацистской идеологии, возникает вопрос, воспринял ли он "расовую суперприорность" немцев по отношению к французам и англичанам, или речь идет о поддержке нацистскому режиму как железному кулаку, который снова сможет обеспечить экспансию европейского капитала и вытащить Европу из экономического и политического кризиса?

Кубертен в спорте видит и незаменимое средство обучения колониальных фаланг. В своей речи (под названием "Спорт и современное общество"), произнесенной в июне 1914 г. на Сорбонне в присутствии представителя Французской республики Раймонда Поанкаре (Raymond Poincaré) на торжестве по поводу двадцатилетия возрождения Олимпийских игр, Кубертен предупреждает: "Спорт является важным фактором в колониальных завоеваниях в том смысле, что колонизация без хорошей спортивной подготовки представляет собой опасную непродуманность. Многие исторические неудачи и многие успехи можно объяснить тем фактом, что такая подготовка имела в одном, а ее не хватало в другом случае." [P.d.Coubertin, "Sport et la Société moderne", 1914 г., в: P.d.Coubertin, "Textes ...", I том, с. 617]. Воодушевленные восклицания Дима, которыми он сопровождал нацистские завоевания ("Спортом воодушевлены солдаты, спортом воодушевлены офицеры, спортом воодушевлен Фюрер"), говорят о том, что нацисты серьезно восприняли предупреждение Кубертена.

Кубертен был решительным противником смешения рас. Олимпийские кольца символизируют единство света не как братского общества свободных людей, а как общества пришедших во взаимное столкновение рас. Они являются не связкой, ведущей к сближению людей независимо от цвета их кожи и национальной принадлежности, а заданными границами, за которыми сближение не допустимо. Поэтому Кубертен утверждает, что братство - не для людей, а "для ангелов."

[P.d.Coubertin, "Respect Mutuel", 1915 г., в: P.d.Coubertin, "Textes ...", I том, с.319].

Это означает ни что иное, как то, что цвет кожи должен навсегда остаться непреодолимым препятствием сближению людей.

Идеализация Кубертенем "чистой" эллинской расы как основателя олимпизма, настаивание на "факте", что белая раса "самая чистая", действует как предупреждение

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

всем (а особенно белым), чтобы они оставались в своей стае.

Что касается имени, не случайно, что это “Олимпийские”, а не “Прометеевские” или игры “За защиту свободы”. Античная Олимпия была мифологическим местом сбора богов, которые управляли людьми. Смыслом античных Олимпийских игр было выражение покорности властвующим (принадлежащим этой земле) ценностям (правящему порядку), которые посредством божественного авторитета получили божественную мощь. Олимпийская идеология - это обожествление отнятой у человека мощи, которая властвует им, и выражение покорности этой мощи.

И как раз покорность человека властвующим ценностям, которые посредством олимпийского ритуала появляются в “святом” облике, является главной нитью, соединяющей современные и античные Олимпийские игры. И олимпийский паганизм Кубертена возвеличивает не человека, а существующий порядок. Человек, точнее тело мужчины в спортивном напряжении, появляется как символическое олицетворение властвующих ценностей, как часть олимпийской декорации. Пропорция - высочайшая эстетическая ценность для Кубертена - это “сестра порядка”. [P. d. Coubertin, “Les Sources et les limites du progrès sportif”, 1936 г., в: P. d. Coubertin, “Textes ...”, I том, с. 498].

Принцип “Citius, altius, fortius” сам по себе не является принципом прогресса, а является им только тогда, когда подразумевает освобождение человека от существующих ограничений, (критическое) отношение человека к существующему миру.

Олимпийская идея Кубертена направлена не в будущее: Кубертен возвеличивает эллинскую расу как фанатичного стража прошлого. Девиз “Познай самого себя” является для Кубертена не освобождающим, созидательным, а ограничительным, дисциплинирующим принципом. Олимпизм - религия, в которой человек нашел свой окончательный смысл. Поэтому одной из важнейших целей олимпийской педагогики Кубертена является уничтожение юношеской мечты еще в ее зачатии. Не идея о лучшем будущем, а идея о совершенном прошлом должна быть идей-путеводителем для “примерного” по Кубертену гражданина.

Насколько Кубертен далеко зашел в своем олимпийском (религиозном) фанатизме, видно и по тому, что до конца своей жизни он старался ввести (по образцу древней Греции) “олимпийский” отсчет времени. Это ему удалось, хотя бы что касается “олимпийской” истории. Кубертену после Первой мировой войны удалось навязать “святую” (четырёхлетний) ритм” Олимпиад, перешагнув и тот факт, что в 1916 г. Олимпийские игры не проводились. Так же поступили и его наследники: фантомные Олимпийские игры 1940 и 1944 годов присоединяются к числу проведенных Олимпийских игр для удовлетворения “святой” олимпийской формы.

“НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ”

В своем предисловии к текстам Кубертена, относящимся к “народному просвещению” (“education populaire”), Жорж Риу критикует технологию, которая, стремясь быть как можно более эффективной, забыла о человеческой сущности. Кубертен был тем, кто еще с начала своего “воспитательного начинания” понял, что время требует такой этики и такой реформы образования, которые каждому обеспечат возможность свободно реализоваться в своей совокупности. В течение всей своей жизни Кубертен “будет страстно работать над развитием Народного университета, который будет в состоянии каждому предоставить возможность усовершенствования”. “Нижеследующие тексты, - констатирует в конце Риу, - дают возможность понять все благородство педагогического призвания автора.” [“Textes ...”, I том, с.499].

Уже из первого текста, который следует, можно увидеть, о каком, в действительности, “благородстве” идет речь. Другими словами, Кубертен воодушевленно приветствует открытие для широкой общественности спортивного дворца “Тойнби Холл” (Toynbee Hall), который находится в восточной части Лондона, в квартале Уайтчепел (Whitechapel), название, которое, по мнению Кубертена, стало в Англии “синонимом нищеты и бедности”. [P. d. Coubertin, “Toynbee Hall”, “Le patronage social a Londres et les étudiants anglais”, 1887 г., в: P. d. Coubertin, “Textes ...”, I том, с.498].

Зачем нужен такой дворец в нищенском квартале? Кубертен: “Здесь, наоборот, нужно, прежде всего,

доказать, что кто-то достоин уважения; уважение - индивидуальное, а не общее. Молодежь вынуждена доказывать на своих близких свою собственную супериорность. Это большая вещь, так как, чем раньше будет признана супериорность, тем она раньше будет и принята. Истина, что для этого необходим ежедневный контакт - то место пребывания, которое и есть сущность “Тойнби Холл”. Рабочие, которые вошли туда (и их уже много), отказались от многих предрассудков о мире, к которому никогда не приблизились и о котором имели самые фантастичные идеи.” (выделил П.д.К) [Там же, с.505, 506]. Вместо того, чтобы бороться с нищетой и бедностью, “благородный” Кубертен старается использовать спорт для “воспитания” рабочих в том, чтобы они помирились с нищетой, в которой живут, и научились уважать своих хозяев!

После Первой мировой войны во время развития революционного рабочего движения в Европе и распада гражданских институций Кубертен, боясь за судьбу капиталистического общества, тяжело обвиняет буржуазию: “Капиталистическая буржуазия рискует дорого заплатить за эгоистичный расчет, который ее заставил установить демократию. Она никогда не хотела помогать рабочему классу приобретать иные знания, кроме тех, которые службу его могут сделать более продуктивной, увеличивая его производственные способности. Она ему запрещала доступ даже к тем неспристрастным знаниям, которые, как это восхитительно говорит священник Вагнер (Wagner), дают “доступ к возвышенной жизни”. Она создала духовное богатство и поставила возле него стражу для охранения монополии.

Результатом этого является то, что культура сейчас в опасности. При установлении власти рабочих рабочие будут уполномочены охранять хранилище, к содержанию которого никогда не прикасались и которое рискует быть уничтоженным в их руках неспециалистов. Так бы могло пропасть, опять же по ошибке до вчера привилегированных, наследие, скопленное усилиями стольких поколений.

Не поздно ли защищаться от такой страшной неизвестности? Без сомнения, весьма поздно, а, кроме того, малочисленны те, которые видят эту опасность и стараются устранить ее. Сейчас не время излагать то, что может быть сделано полезного с помощью таких средств, как народные университеты. Предлагаю сделать это вскоре. Но, в педагогике рассматривается не только умственная сторона; существует и физическая. Время диктует открыть для всей молодежи то поле спортивной деятельности, где установились радость, мир и равенство, и которое путем этого может стать пригодной территорией для установления социального мира. Так как теряется из вида, что общественные столкновения рождены не только под ударом противоположных, трудно примиримых интересов, а большей частью появляются под бременем тоски, гнева и накопившихся оскорблений. Ничто не является таким пригодным, как спорт, для излечения молодежи от этих ран.

“Спорт для всех”. Это то, что мы сейчас хотим организовать с помощью передовых общин и крупных рабочих обществ. Говорится о “пролетарском олимпизме”. Меня не пугает такое название. Призыв, который я еще в начале этого 1919 г., сделал моим коллегам, встречен, прежде всего, в Америке, самым теплым образом, а Интернациональный комитет (олимпийский - прим. автора) решил организовать в 1921 г. в Лозанне общий конгресс популярных видов спорта, программа которого изучается и будет утверждена на нашей сессии в Анверсе. По нашему старому обычаю мы остаемся упорными практиками, для которых теория не имеет ценности, если не может быть сразу же применена в практике.” (выделил П.д.К) [P. d. Coubertin, “Le dilemme”, декабрь 1919 г., в: P. d. Coubertin, “Textes ...”, I том, с. 539, 540].

В своей “заботе” о “духовном развитии” рабочих Кубертен идет до той меры, что составляет подробнейшую программу их образования. Он становится специалистом

в практически всех областях человеческого знания. История, философия, естественные науки, искусство... В его программе находим вопросы, которые необходимо разработать в рамках тем, таких, как: звезды, математика, земля, вода, воздух, огонь, минералы, растения, агрокультура, животные, человек, электричество, машины, промышленность, торговля, транспорт, законы...

Конечно, все это - фасад. То, в чем Кубертен был в действительности заинтересован, была расправа с критическим умом, который направляет рабочих на борьбу за свои человеческие права. В разделе "Критика и еуритмика" первая лекция гласит: "Критический дух: мир (общественный, конечно, - прим. автора) - предварительное условие". Вторая лекция: "Сотрудничество воли и физической тренировки восстановления физического и умственного мира". [P.d.Coubertin, "Memoire concernant l'instruction superieure des travailleurs manuels et l'organisation des Universités ouvrières", 1923 г., в: P.d.Coubertin, "Textes ...", I том, с.534].

Из своей программы образования рабочих Кубертен выбросил все, что не вписывается в его представление о мире. "Культурное наследие человечества" сводится, в действительности, к властвующей идеологии. Этот вопрос интересен и потому, что Кубертен - борец за "культурное наследие человечества" не имеет ни одного слова критики для нацистских пироманских ритуалов, в которых сжигались произведения величайшего культурного значения. Кубертен сводит рабочих к примитивцам, которые уничтожат культурные блага человечества, а возвеличивает нацистов, которые эти блага систематически уничтожают.

Идет ли речь о непоследовательности Кубертена, которая может быть объяснена политическими мотивами, или, в действительности, речь о последовательном соблюдении начала - что только то, что соответствует интересам существующего порядка доминанции включается в "духовное наследие" человечества?

В указанной "борьбе за рабочих" Кубертен нигде не исходит из прав рабочих на образование как людей и граждан, и в этом контексте - из их права бороться легальными политическими средствами за то, что им и по закону принадлежит. Кубертен сводит людей, живущих своим трудом, наемников капитала, к "рабочему классу" и таким образом отнимает у них элементарные права как гражданам. Отношение капиталиста и рабочего Кубертен пытается свести к отношению феодального хозяина и крепостного. Милосердие владельца капитала является основным и единственным источником прав рабочих.

Это исключительно значительная точка соприкосновения Кубертенской "благородной" педагогики и (точно так же "благородной") педагогики бывших бюрократских режимов "реального социализма". Рабочие не являются теми, которые как люди имеют право на образование, а государство (властвующая бюрократская олигархия) является тем, кто им "дает" это право на образование, а также программу образования. Кубертен также нигде не говорит о праве рабочих на самообразование, точнее, о настоянии рабочих принимать участие в культурной жизни и создавать собственный взгляд на жизнь, который проистекает из их общественного положения и который направлен на отмену неправды. Основной смысл Кубертенских "Рабочих университетов" состоял в том, чтобы (как и в "реальном социализме") "воспитывать" рабочих так, чтобы, несмотря на их действительное общественное положение, они оставались лояльными существующему порядку.

Боязнь, что рабочие разорят существующий порядок, о котором сам Кубертен говорит как о "неправедном", - это настоящая причина "духовнического" отношения Кубертена к рабочим, а не человеческие побуждения,

солидарность с угнетенными. То, что он в действительности проповедует еще, начиная со своей "Программы" ("Un programme: Le Play") из ноября 1887 г., это то, что "правящий класс" (аристократия и капиталисты) будет "более милостив" к рабочим для смягчения их недовольства и обеспечения социального мира.

Что касается "пролетарского олимпизма", у Кубертена была возможность выбора между "Olimpiade popular", которую летом 1936 г. в Барселоне организуют иберийские рабочие (в знак протеста против берлинской Олимпиады), и нацистских Олимпийских игр. Кубертен определился за нацистов. И пока в Берлине под звуки нацистских фанфар разносились восхваления Кубертена нацистскому режиму, фашистские труппы Франко с обильной помощью нацистов проливали кровь рабочих - борцов за республику.

ПЕДАГОГИКА

Одной из основных причин, по которым гражданские теоретики упорно стараются отделить мысль Кубертена от исторического контекста, в котором она возникла, и его олимпийскую идею - от его фундаментальных политических ориентиров (философия жизни), является та, что Кубертен старался сделать из спорта эффективное средство для сохранения существующего порядка. Воспитательная концепция Кубертена направлена не на преобразование общественных отношений, а на предупреждение человека изменять существующие отношения. Кубертен пытается с детства искалечить человека, убить в нем самосознание, человеческое достоинство, предупредить развитие его индивидуальных духовных потенциалов. Кубертен и буквально ударяет человека по голове, наступает на его характер, психику.

Не случайно, что Кубертен с такой яростью сопротивляется духовному развитию молодежи прежде, чем она приобрела характер "примерных" граждан. Не случайно и то, что он настаивает на боксе как основном и незаменимом средстве воспитания молодежи. Удары кулаков должны уничтожить испульсы человеческого, основание, на котором развивается юношеская мечта.

В предисловии к книге, которую объявил его профессор фехтования, Кубертен объясняет, почему он любит бокс: "Бокс - *struggle for life*, представление борьбы за жизнь; человек внимательно выбирает свой момент, выбирает место и раз! - направляет своему противнику удар кулаком, в который вкладывает всю свою силу и решительность. Какое удовольствие!, а о пользе такого упражнения не нужно и говорить." (выделил П.К.) [P.d.Coubertin, Charles J-B.: "Ma Methode. Préface", 1890 г., в: P.d.Coubertin, "Textes ...", III том, с.182]. Бокс (вместе с греблей) - "первый", "фундаментальный" спорт, "основание эффективной и рациональной культуры" [P.d.Coubertin "Les échelons d'un éducation sportive", 1913 г., в: P.d.Coubertin, "Textes ...", III том, с.443], которым дети должны начать заниматься, "в отличие от большинства других упражнений", "уже с восьми и девяти лет" [P.d.Coubertin "La gymnastique utilitaire", 1906 г., в: P.d.Coubertin, "Textes...", III том, с.500]. Когда говорит о боксе, Кубертен имеет в виду не только так называемый "английский бокс", в котором удары наносятся кулаками, а и так называемый "французский бокс", в котором удары наносятся и ногами. Интересно, что Кубертен в боксе видит основное средство воспитания не только мальчиков, но и девочек (!), с тем, что девочки должны заниматься несколько "более мягким" боксом. Разделение происходит несколько позже (в пубертатном периоде), когда мальчики начинают заниматься регби (мужским видом спорта "par excellence"), а девочки - теми видами физических упражнений, которые не будут угрожать исполнению ими тех общественных ролей, для которых они биологически предопределены. [P.d.Coubertin "Les échelons...", в: P.d.Coubertin, "Textes ...", III том, с.444].

Кубертен до такой меры был заколдован боксом, что придумал новую спортивную дисциплину - "бокс на конях" (!) и составил правила ее игры. [P.d.Coubertin "Boxe", 1906 г., в: P.d.Coubertin, "Textes...", III том, с.257]. Странно, что эта "гениальная" идея Кубертена не включена в олимпийскую программу. То, что бокс - "этот удивительный мужской спорт" [P.d.Coubertin "Le sport est roi", 1920 г., в: P.d.Coubertin, "Textes ...", II том, с.494] был непрестанным вдохновением мечтательного духа Кубертена, показывает и его настойчивость в дополнении официальной программы исполнением "Девятой симфонии" Бетховена, особенно его "единственного финала", спектаклем, в котором будет исполнено "несколько

удивительных атакующих боксерских позиций” [P.d.Coubertin “Arts, letters et sports”, 1907 г, в: P.d.Coubertin, “Textes ...”, II том, с.494]. Эта мания Кубертена использовать произведение Бетховена как декорацию своего олимпизма в самой худшей форме проявится на нацистских Олимпийских играх, когда нацисты, по требованию Кубертена, включают “Девятую симфонию” Бетховена в “культурную программу” Игр.

Кубертен считает, что тело должно быть полностью подчинено требованиям воли - нить, соединяющая сегодняшний “спорт высокого класса” с педагогией Кубертена. В статье из ноября 1902 г., посвященной физическому образованию в XX веке, Кубертен констатирует, что средневековое истязание (собственного тела) имеет “более гуманную” и “более благородную” причину, чем это показано в отдельных литературных произведениях. Другими словами, речь идет о “потребности души истязать тело, чтобы оно стало покорнее”. Как пример для педагогики XX века Кубертен приводит “святого” Коломбана (saint Colomban), который “в полночь спускается к заледеневшему озеру” или “стегает себя крапивой”, и то, в первую очередь, не для того, чтобы “обеспечить себе место на небе”, а “для сохранения в себе чудесной энергии, из которой его дело пришло и предостало ему ободряющее представление” [P.d.Coubertin “L’éducation physique au XXe siècle: la peur et le sport”, 1902 г., в: P.d.Coubertin, “Textes ...”, I том, с.374].

Мазохистские спектакли, которые нам рекомендует Кубертен, в большой мере завладели так называемым “спортом высокого класса” и Олимпийскими играми. Правду сказать, мотивы несколько банальнее (деньги, конечно), но воля к победе и достижению рекордов до такой меры “усилилась”, что в состоянии уничтожить тело для достижения поставленной цели. Иезуитский фанатизм “святого” Коломбана - детская игра по сравнению с фанатизмом сегодняшних “спортсменов высокого класса”.

На сущность педагогики Кубертена указывает и его текст “Источники и границы спортивного прогресса”, который по поводу нацистских Олимпийских игр объявлен в июне 1936 г. в берлинской газете “BZ am Mittag”. Советуя нацистскому режиму, как из “арийцев” создать “красивую спортивную расу”, Кубертен делает вывод: “Общественный мир - не гражданский мир, это - порядок. Можно властвовать под весьма разными политическими порядками; но нельзя будет властвовать в институциях, если сначала не властвуется в головах. Поэтому современный прогресс имеет, прежде всего, педагогическую сущность” [P.d.Coubertin “Les sources et les limites du progrès sportif”, 1936 г., в: P.d.Coubertin, “Textes...”, I том, с.494]. “Властвовать в головах” - это кредо олимпийской педагогики Кубертена. То, что многие толмачи Кубертена всеми силами пытаются скрыть, Кубертен в воззвании к нацистам ясно сообщает.

Путь олимпийской педагогики Кубертена начинается “мускулистыми христианами” Томаса Арнольда, а завершается “железным телом” гитлеровских “арийцев”. Здесь необходимо напомнить предупреждение Блоха о том, что физическое обучение молодежи без интеллектуального образования означает не что иное, как производство “пушечного мяса”. Вторая мировая война ужаснейшим образом доказала правильность этого тезиса. В нынешнее время “Рэмбо-изм” представляет собой (правда, несколько более банальную) версию кубертеновской мускулатурной педагогики.

Если в рассуждениях о гуманизме Кубертена оттолкнемся от основных идей Французской гражданской революции (свобода, равенство, братство) как гуманистских постулатов гражданского общества, трудно было бы олимпийскую философию Кубертена включить в гуманистское наследие гражданского общества. “Право на свободу” для Кубертена - не основное человеческое право: основа и источник всех прав - “право сильного”.

Что касается “равенства”, Кубертен утверждает, что “закон неравенства - самый старый и основной общественный закон”, против которого бессмысленно бороться. “Братство”, по Кубертену, “не для людей, а для ангелов”. Первоисточные “права человека” (droit de l’homme), без которых нет (современного) индивиду, а тем самым и современного общества, не имеют для Кубертена никакого значения. Что касается “прав гражданина” (droit de citoyen), для Кубертена конститутивным элементом общества является не гражданин, а раса, нация, семья. В кубертеновской олимпийской философии нет места для эмансипированного гражданина, что значит, нет места и для (эмансипированного) гражданского общества.

Кубертен создавал свою олимпийскую идею, исходя не из первоисточных гуманистских идей гражданского общества, а из существующего мира, в котором доминируют требования, выставляемые экспансивным капиталом. Еще в самом начале его олимпийского пути идеей-путеводителем Кубертена был “факт”, что в существующем мире “не установлено владычество духа” [P.d.Coubertin “Exercices de sport”, 1894 г., в: P.d.Coubertin, “Textes ...”, III том, с.432].

Лет десять спустя Кубертен повторяет: “Минерва - богиня мира и мудрости не является больше той, которая владеет светом, это сейчас Меркур - бог предпринимательства, движения и торговли” [P.d.Coubertin “La gymnastique utilitaire”, 1906 г., в: P.d.Coubertin, “Textes ...”, III том, с.484]. Точно так же Кубертен исходит из “факта”, что “все нации вооружены до зубов” и что эта тенденция пускает “все больше корней” [P.d.Coubertin “Le tableau de l’éducation physique au XXe siècle”, 1902 г., в: P.d.Coubertin, “Textes ...”, III том, с.387]. Одновременно Кубертен подчеркивает, что “борьба за жизнь” является логикой, которая характеристична не только в нынешнем (его) мире, а совсем наверняка она будет властвовать и в завтрашнем мире, “вопреки всем красивым проектам общественной организации и коллективистской гармонии” [P.d.Coubertin “Une nouvelle formule d’éducation physique”, 1902 г., в: P.d.Coubertin, “Textes ...”, III том, с.457].

Кубертеновская олимпийская идея и практика должны были открыть простор не гуманистским потенциалам гражданского общества, а милитаристскому капиталу, который пытался покорить мир. Сладкоречивые фразы олимпийских господ (“Ода спорту” Кубертена, например) должны были бы придать “гуманистскую” законность беспощадным завоевательским походам колониальных сил. Кубертен с времени на время “оставляет” существующий мир и возвращается в прошлое для того, чтобы там найти пригодный строительный материал для своей олимпийской идеи.

Античная (рабовладельческая, расистская) Греция при этом появляется как неиссякаемый источник его гуманизма. Позиции Кубертена по поводу Французской гражданской революции - “изменилась только форма”, а “сущность осталась прежней”, показывают, на сколько Кубертен был заинтересован в существовании новых, гуманистских просторах, созданных гражданским обществом.

Здесь можно было бы поставить и вопрос - как можно называть “гуманистом” человека, который с помощью спорта и “утилитарной педагогики” старается увековечить порядок, о котором сам говорит, что он покоится на неправде? В связи с этим, как можно отделить Кубертеновскую “гуманистскую” олимпийскую идею от его колониализма, расизма, национализма, дискриминации женщин, фанатичного милитаризма (антипацифизма), элитаризма, антиинтеллектуализма, от его приклонения к фашизму в дни, когда решалась судьба человечества?

Профессор Риу заканчивает обзор и анализ сочинений Кубертена его работой из апреля 1927 г. (“De la transformation et de la diffusion des études historiques: caracteres et consequences”), направленной афинской Академии. Свыше ста статей, речей, эссе из последних десяти лет жизни Кубертена, в которых он подвел итог своего дела и написал философские и педагогические дискуссии, которые имеют исключительное значение для понимания его олимпизма, не стали предметом серьезного рассмотрения Риу. А это как раз и есть тот период, в котором Кубертен открыто встал на сторону нацистов.

Несмотря на единую исходную точку зрения, когда речь идет о сохранении мифа о Кубертене, между подходами Мюллера и Риу имеются определенные различия. Их можно понять, если иметь в виду борьбу за Кубертена и его олимпийское наследие, ведущуюся, прежде всего, между французскими и немецкими гражданскими теоретиками, в рамках борьбы за национальный престиж.

Современные Олимпийские игры - это (мифологическая) нить, которая соединяет современное гражданское общество с античной Грецией - духовной колыбелью западной цивилизации. Не случайно, что европейские колониальные силы, особенно во время своей колониальной экспансии, боролись за то, чтобы добраться до Олимпии - античного олимпийского святилища и таким образом доказать, что полагают законное право на античное культурное наследие. Бисмарк в свое время получил от греческого правительства эксклюзивное право на проведение раскопок в Олимпии. Его дело продолжили нацисты: Гитлер из денежного фонда, находившегося в его распоряжении, финансировал раскопки в Олимпии, предметы из которых должны были стать "памятником Третьему Рейху за его границами". Финальные работы на раскопках Олимпии будут произведены после Второй мировой войны под немецким окрылем и под надзором главного идеолога нацистского олимпизма Карла Дима.

Французским олимпийским националистам остался Кубертен.

Между тем, "великий француз" Кубертен, когда добрался до величайших олимпийских вершин, все свое олимпийское наследие доверяет нацистам, назначив их стражами его олимпийской идеи. Весной 1937 г. Кубертен пишет правительству Третьего Рейха: "Мне не удалось закончить то, что я хотел. Считаю, что Центр олимпийского изучения помог бы больше, чем что-либо другое, сохранить и развить мое дело, а также защитить его от извращений, которым, боюсь, оно может быть подвергнуто"

[В: "The Olympic Movement", Comité International Olympique, с. 100, Lozanna, 1984 г. См. и: Carl Diem, Weltgeschichte... с.1145].

Это была пощечина "любимой Франции" (Кубертена), которая и сегодня звенит в головах национальных олимпийских идеологов. Реакции разные: некоторые, подобно профессору Риу, засовывают голову в песок; другие, подобно культурному посланнику официальной Франции Булоню, проглашают Кубертена "шизофреником".

Встревоженные предупреждения Булоня о том, что нельзя допустить, чтобы "нацистский волк" Карл Дим был провозглашен исполнителем духовного (олимпийского) завещания Кубертена, остались, хотя бы, что касается Международного олимпийского комитета, тщетными воплями. "Избранные тексты", составленные и выпущенные под его покровительством, послужили возвеличиванию Карла Дима как законного наследника Кубертеновского олимпизма. Вот как заканчивает профессор Мюллер свое предисловие ко П тому "Избранных текстов": "Несмотря на официальные приглашения, Кубертен не присутствовал ни на Олимпийских играх 1928 г. в Амстердаме, ни на Олимпийских играх 1932 г. в Лос-Анджелесе. Инициатива Карла Дима по поводу Олимпийских игр 1936 г. - организовать перенос олимпийского факела - полностью соответствует его пониманию. Его вдохновленный призыв к факелоносцам от Олимпии до Берлина может быть понят как составная часть его олимпийского завещания.

Важнейшим олимпийским свидетельством из последних лет его жизни является его дискуссия о "философских основах современного олимпизма", которая транслировалась по радио в 1935 г.. Кубертен таким

образом начал серию интернациональных передач о берлинских Олимпийских играх 1936 г.. Он в сжатой форме еще раз изложил идеи о современном олимпизме, которые развивал десятилетиями. Они могут быть сжаты до трех следующих начал: 1. "Прославлять Олимпийские игры - значит обращаться к истории". 2. "Олимпийская идея - не система, это духовная и моральная позиция". 3. "Моей непоколебимой верой из молодости и поздних дней был и остается животворящий принцип моей работы".

Кубертен издавала со вниманием наблюдал за ходом Олимпийских игр 1936 г.. Их художественные формы несли печать его влияния, на что указывает исполнение "Оды радости" Бетховена во время особой манифестации вечером накануне открытия Игр.

Несмотря на тогдашние желчные дискуссии о политизации и коммерциализации Олимпийских игр и спорта, его вера в будущее олимпизма осталась непоколебимой вплоть до его смерти 02.09.1937 г. в Женеве. Как он требовал в своем завещании, его сердце 26 марта 1938 г. в Олимпии было замуровано в мраморном памятнике, который воздвигнут в знак памяти на возрождение Олимпийских игр в нескольких шагах от античного стадиона. Международная олимпийская академия (А.И.О.), о которой Карл Дим размышлял во время церемонии замуровки сердца, размещена в непосредственном соседстве стадиона. Ее основание в 1961 г. было общим делом грека Яна Кетсеаса (Jean Ketsseas) и Карла Дима. Она увековечивает олимпийское наследие Пьера де Кубертена" [Norbert Müller, Préface, II том, с.19, в: P.d.Coubertin, "Textes..."].

В предисловии к текстам и интервью Кубертена, в которых он возвеличивает нацистские Олимпийские игры и Гитлера, Мюллер говорит и то, что Кубертен из своей штаб-квартиры в Лозанне "активно участвовал" в подготовке XI Олимпийских игр. Он был "в близком контакте с Карлом Димом" - "spiritus rector" олимпийского движения в Германии. Кубертена и Дима сблизил, по Мюллеру, "одинаковые стремления в спортивной педагогике" и "одинаковый взгляд на художественную и торжественную форму", которая должна была быть реализована на берлинских Играх. Иначе их сближение началось еще в 1913 г. во время подготовки Игр, проведение которых предусматривалось в 1916 г. в Берлине. [P.d.Coubertin, "Textes...", II том, с.304].

На "активное участие" Кубертена в подготовке нацистских Олимпийских игр указывает и его текст "Олимпизм и политика", в котором он приветствует "Декларацию" ("Declaration"), которую Байе-Латур провозглашает по возвращении из Германии (в которую поехал для "проверки" оправданности многочисленных порицаний по поводу того, что нацистский режим непрерывно нарушает Олимпийскую хартию). Констатируя то, что выражено беспокойство за то, что происходит в Германии, "не являясь совсем спонтанным или искренним", Кубертен подчеркивает, что Байе-Латур оправданно "заклеймил" настоящие "поставить Олимпийские игры в службу избирательских интересов". Таким образом отбита еще одна "нечестная атака", направленная против берлинской Олимпиады. [P.d.Coubertin, "L'Olympisme et la politique", 1936 г., в: "Textes ...", II том, с.440].

И Мюллер указывает на принципиальные (неполитические) позиции Кубертена, когда речь идет о берлинской Олимпиаде и Олимпийских играх вообще: "В своем новогоднем приветствии из 1936 г., которое объявлено в "Revue Sportive Illustree Belge", Кубертен без колебаний определяет свою позицию по поводу влияния политики на спорт. Он решительно сопротивляется бойкоту Олимпиады, который планировал в США на 1936 г. и поддержан во Франции. По Кубертену, олимпийский принцип не должен поддаваться влиянию преходящих явлений и должен оставаться независимым от моментальных политических событий" [Norbert Müller, Predislovie k tekstu Kubertena "L'Olympisme et la politique", в: P.d.Coubertin, "Textes ...", II том, с.440]. Мюллер ссылается на интервью Кубертена из "Le Journal" от 27 августа 1936 г., в котором Кубертен подчеркивает, что "величественный успех берлинских Игр прекрасно послужил олимпийской идее"; противится утверждениям, что берлинская Олимпиада была злоупотреблена нацистами в политические цели; и воодушевляется "гитлеровской силой и дисциплиной", которые доминировали на Играх.

На "непристрастное" отношение Кубертена к берлинской Олимпиаде указывает и его интервью, которое объявлено в журнале "L'Auto" 4 сентября 1936 г.. Вот как Кубертен реагировал на комментарий Фернанда Ломаччи (Fernand

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Lomazzi) о том, что берлинские Олимпийские игры были "пропагандной политической манифестацией":

"Объявлено, что берлинские Олимпийские игры, с технической точки зрения, были полнейшим успехом. Мог бы ответить, что мне этого достаточно. Но это не было бы объяснением. Конечно, спортивная сторона должна быть доминирующим элементом Игр, но я думаю, что не нужно было бы иметь Игр без элемента страсти, который единственный в состоянии дать им значение, которые они должны иметь. Я всегда требовал этой страстной восторженности, я хотел ее, призывал всеми своими силами. Ведь состязательный спорт сам по себе не является обычной вещью, которая может быть приспособлена тесным и мелочным правилам.

Давайте поймем, что Олимпийские игры - это жестокая, дикая борьба, которой не соответствуют иные, кроме жестоких и диких существ. Окружить их атмосферой конформистской слабости без страсти и неумеренности, значило бы искалечить их, отнять у них любую их особенность. Не говоря уже об Играх, к которым разрешен доступ женщинам и молодежи, вообще слабым. Для них существует другой облик спорта - физическое воспитание, которое даст им здоровье. Но для Игр, моих игр, я хочу совсем другой крик страсти, каким бы он ни был. В Берлине трепеталось за идею, о которой судить не нам, но которая была страстным вызовом, которого я постоянно требую. Техническая часть, с другой стороны, организована со всем необходимым вниманием, и немцам нельзя приписать спортивной нечестности. Как можете хотеть, чтобы я в таких условиях отрекся празднования XI Олимпиады? Ведь, точно так же, та глорификация нацистского режима была эмоциональным шоком, который обеспечил огромное развитие, которого они достигли" ["Comment P. de Coubertin concoit les jeux olympique, par Fernand Lomazzi", "L'Auto", 4 сентября 1936 г., в: Jean-Marie Brohm, Le Mythe olympique, с.431].

Жан-Мари Бром (Jean-Marie Brohm) с правом замечает: "Нацистская страсть как интеллектуальный стимулянт олимпизма! Фашистское исступление, антисемитская ненависть, тевтонский пафос, нацистская символика как страстная восторженность Игр!"

[Там же].

Интересно и объяснение Мюллера о том, почему не проводились Олимпийские игры в Токио в 1940 г.. Причина - "китайско-японская война", которая, "к сожалению", препятствовала проведению Игр в Токио. [P.d.Coubertin, "Textes...", II том, с.681]. Прежде всего, фашистская Япония после выхода из Сообщества народов отказалась организовать Олимпийские игры для того, чтобы иметь развязанные руки для своих новых колониальных походов. Японские фашисты, другими словами, были теми, кто воспрепятствовал проведению Олимпийских игр в Токио. Для членов МОК "японско-китайская война" (нападение фашистской Японии на Китай), наверняка, не была препятствием к проведению Олимпийских игр в Токио. Иначе, действительно "скорбно", что фашистская Япония не дала миру еще одно впечатляющее "пацифистское" представление, подобное тому, которое нацисты организовали в Берлине. Это, без каких-либо сомнений, невозместимая потеря для олимпийского движения.

Кубертен воодушевленно приветствует предоставление права проведения Олимпийских игр Токио. С восклицанием: "Олимпизм проникает в Азию!" Кубертен признается в почтении "Японской империи" (!), называя цивилизацию, которую она представляет, "одной из самых славных" среди азиатских цивилизаций. Олимпийский огонь должен был связать ее с эллинской, как "самой честной" среди европейских цивилизаций. [P.d.Coubertin, "Les prochains Jeux auront lieu à Tokio", 1936 г., в: P.d.Coubertin, "Textes...", II том, с.681]. Путь олимпийского факела, конечно же, проходил бы через нацистскую Германию.

В контексте дискуссий об отношении Кубертена к нацистским Олимпийским играм было бы интересно рассмотреть и вопрос "пацифизма" Кубертена. Здесь нам "Избранные тексты" не смогут много помочь, но это может сделать Ив-Пьер Булонь. По нему, "полностью очевидно", что Олимпийские игры для Кубертена были перемирием. В подтверждение своего тезиса Булонь цитирует Кубертена:

"В правильные, с этой целью точно утвержденные периоды времени, ссоры и перепалки временно бы прерывались, а недоразумения забывались. Люди - не ангелы, и не думаю, что человечество что-нибудь получило бы, если бы большинство из них ими стали. Но действительно сильной личностью является тот человек, который обладает волей, достаточно сильной для того, чтобы самого себя и сообщество, которому он принадлежит, заставить на краткое время полностью забыть свои интересы или страстные желания быть властителем или собственником, несмотря на то, как бы они не были оправданы. Что касается меня, я не имел бы ничего против того, чтобы увидеть, как среди войны столкнувшиеся войска останавливают на краткое время военные операции из уважения к честным и пропитанным рыцарским духом спортивным играм, которые были бы организованы во время этого перемирия" [В: Ив-Пьер Булонь, Олимпийский дух Пьера де Кубертена, с.172, 173].

Этот текст совсем ясно говорит о том, что военные столкновения для Кубертена являются не только неминуемой судьбой человечества, но что для человечества не было бы хорошо, если бы они навсегда прекратились. И вместо того, чтобы после всего, что ужасы войн "принесли" человечеству, противопоставиться антропологическим рассуждениям Кубертена, которые являются только оправданием войноподжигательского фанатизма Кубертена, Булонь констатирует, что идея Кубертена о приостановке военных столкновений для проведения спортивных игр, "к сожалению, полностью неосуществима".

И действительно, на сколько бы мир был счастливее, если бы воюющие стороны сыграли несколько футбольных матчей прежде, чем продолжить проливать кровь одни другим и уничтожать то, что от мира еще осталось! Какое счастье, если бы, например, поляки провели атлетическую встречу с нацистами прежде, чем те уничтожили Варшаву и убили миллионы поляков. Или евреи с "арийцами" - прежде, чем их те послали в газовые камеры. Это было бы триумфом "пацифистского" духа Кубертена!

Фанатичный антипацифизм представляет собой один из основоположных камней Кубертеновской олимпийской педагогики. Ближайшим в оценке "пацифизма" Кубертена был идеолог нацизма Карл Дим - соратник и "гениальный приятель" Кубертена. В своем произведении "Олимпийская идея в новой Европе" (фашистской, конечно) Дим констатирует: "В современной эпохе ожил этот милитаристский дух Олимпийских игр. Кубертен, их возродитель, имел в своих венах бойцовскую кровь. Он гнушался пацифизма и всех туманных утопий о мире. Его педагогические, исторические, политические произведения нам указывают на неустранимый характер - характер настоящего бойца." [В: Jean-Marie Brohm, Le Mythe olympique, с.379].

На сколько Кубертен был фанатичным милитаристом, указывают и его войноподжигательские позиции из сентября 1913 г., объявленные в "Revue Olympique", которые иначе представляют собой один из основных постулатов его педагогики: "Контакт с оружием делает из юности человека. Удивительна традиция, которую установили немцы и из которой берет начало все рыцарство." [P.d.Coubertin "Les échelons d'une éducation sportive", 1913 г., в: P.d.Coubertin, "Textes...", III том, с.445].

Сразу же по окончании Первой мировой войны, которая принесла смерть и уродовала миллионы молодых людей, Кубертен в Лозанне в феврале 1918 г. выступает речью, в которой среди прочего говорит, что история обеспечила Франции возможность отметить "самую удивительную из колониальных эпопей" в последние сорок лет и "провести молодежь через опасности какого-то пацифизма и какой-то свободы, доведенной до экстремизма, вплоть до мобилизации в августе 1914 г., "которая останется одним из прекраснейших спектаклей, которые демократия показала миру." [P.d.Coubertin "Ce que nous pouvons maintenant demander au sport", 1918 г., в: P.d.Coubertin, "Textes...", III том, с.603, 604].

АМАТЕРИЗМ (ЛЮБИТЕЛЬСКИЙ СПОРТ)

Кубертен прежде, чем возрождены современные Олимпийские игры, предупредил, что деньги - "вечный неприятель спорта" [P.d.Coubertin "Le rétablissement des Jeux Olympiques", 1894, в: P.d.Coubertin, "Textes...", II том, с.559]. В своих поздних произведениях он упорно повторяет, что профессионализм остается "самым

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

худшим неприятелем спорта и в то же время физического образования, взятого в целом". [P.d.Coubertin "Les obstacles et les aides de l'éducation physique au XXe siècle", 1902 г., в: P.d.Coubertin, "Textes...", II том, с.569].

Настойчиво пытаясь сохранить рыцарский дух на Олимпийских играх, Кубертен в июне 1920 г. напоминает об античном спорте, который после продолжительного периода процветания потерпел крах, так как "корыстолюбие, денежная прибыль, обычай ставить ставки, злобные проступки предательства и непочтения" проникли в греческую атлетику.

Кубертен предупреждает, что цивилизация, в которой мы живем, "к сожалению, облегчает подобную коррупцию и умножает ее возможности". Поэтому "всеми нашими силами необходимо бороться за сохранение современного атлетизма в его чистоте и почтении". Одним из лучших способов является достижение того, чтобы каждый атлет прежде, чем войти в состязания, перед флагом своей страны давал клятву, что он знает правила аматеризма (любительского спорта) и что никогда их не нарушал".

"Национальный флаг и честное слово" - это те универсальные ценности, которые должны обеспечить продвижение Олимпийских игр к своим высочайшим вершинам. [P.d.Coubertin "Le role des Jeux Olympiques", 1920 г., в: P.d.Coubertin, "Textes...", II том, с.474, 475]. В своей речи на открытии Олимпийского конгресса в Праге в мае 1925 г. Кубертен снова указывает на то, что спорт развивается в обществе, которому страсть к деньгам угрожает "испортиться до мозга костей". Он призывает спортивные общества дать "хороший пример возвращения к культуре чести и искренности, удаляя из своей среды ложь и лицемерие", а также "немилосердно дисквалифицируя мнимых любителей", которые превращают в деньги свое участие в публичных состязаниях. И на этот раз Кубертен подчеркивает "личную клятву", обязательную для всех спортсменов, как "самое лучшее средство поставить под контроль чести искушения в спорте." [P.d.Coubertin "Discours prononce a l'ouverture des Congres Olympiques a l'Hotel de Ville de Prague le 29 mai 1925", в: P.d.Coubertin, "Textes...", II том, с.407].

Имея в виду педагогический характер олимпизма Кубертена, его инсистирование на "religio athletae" как величайшем вызове для участников Олимпийских игр, навязывается вопрос, являются ли сегодняшние Олимпийские игры, а также все олимпийское движение законными представителями олимпийской идеи Кубертена.

Утверждение Булоня о том, что "атлетизм не представляет собой центровой вопрос современного олимпизма" и что "решение этого вопроса Кубертен никогда не считал условием существования олимпизма", по меньшей мере вводит в заблуждение, так как уже на следующей странице, говоря о Кубертеновских понятиях аматеризма, Булонь делает вывод: "Как каждая религия подразумевает знание догм и углубление любой мистики, так Кубертен основывает на педагогии олимпизма ознакомление с олимпийской философией и практикой: клятву, которую дают участники соревнований, представляет собой в данном случае один из ритуалов, связанных с тем, что свято". [Iv-Pjer Bulonj, Olimpijski duh Pjera de Kubertena, с.166, 167].

Позиция Кубертена из 1936 г. о "неосуществимости полного аматеризма" не означает, что Кубертен помирился с постепенной профессионализацией Олимпийских игр. Он решение вопроса полного аматеризма не считал условием существования олимпизма, но решение развития профессионализма, что значит постоянную борьбу против (неминовного) проникновения денег в спорт, считал условием существования олимпизма. Отсюда и инсистирование Кубертена на индивидуальной клятве как средстве предупреждения того, чтобы спортсмены становились "цирковыми гладиаторами", и сохранения религиозного духа Олимпийских игр. Булонь старается игрой слов скрыть сущность проблемы и восстановить мост между пониманием олимпизма Кубертенем (аматеризма-профессионализма) и тем, что сегодня происходит на Олимпийских играх и в так называемом "спорте высокого класса". Кубертен используется как средство для приобретения законности сегодняшним Олимпийским играм, которые стали как раз тем, что Кубертен и предвидел, если будет разрешено, чтобы деньги завластвовали спортом, - банальным "базарным" развлечением.

Можно сказать, что олимпийское движение во время Кубертена имело две стадии развития: В первой - до

Первой мировой войны - олимпийское движение, прежде всего, было направлено на ускорение колониальной экспансии развитых капиталистических стран Европы. Во второй стадии - после Первой мировой войны - олимпийское движение направлено на консолидацию капиталистического порядка, т.е. на обуздание революционного рабочего движения и борьбы за свободу в колониях, для того, чтобы стать средством установления доминанции фашизма.

После Второй мировой войны Олимпийские игры становятся поприщем холодно-военной борьбы между блоками, а также возможностью демонстрации национального суверенитета народов, которые в это время освободились от колониального ига. Уже в середине семидесятых годов становится очевидным, что капитал берет Олимпийские игры в свои руки и становится хозяином олимпийского движения. Спортивные арены становятся полем для расчетов между величайшими капиталистическими фирмами.

Учитывая основные характеристики олимпийской идеи Кубертена, вызов, который он сделал современному олимпизму и тому, что сегодня появляется под именем "Олимпийские игры", мы могли бы сделать краткое резюме: вместо национальных флагов на Олимпийских играх все больше доминируют символы капиталистических фирм; вместо того, чтобы бороться за свою нацию и расу, спортсмены борются за престиж своих капиталистических меценатов; вместо церкви Олимпийские игры стали базаром; вместо национальной и расовой элиты спортсмены становятся цирковыми гладиаторами; вместо педагогических спорт получает барышны размеры; вместо воли к победе основной силой развития спорта становятся научные группы, лаборатории, медикаменты, допинг; вместо того, чтобы спортивная элита набиралась из высших слоев, спорт становится "привилегией" тех, кто находится на социальном дне; вместо демонстрации "супериорности" белой расы на спортивных аренах все больше доминируют "цветные" спортсмены; вместо того, чтобы короновать победителей, женщины становятся главной "тяговой силой" в достижении рекордов; вместо того, чтобы быть стражами олимпийской идеи, олимпийские официальные лица становятся бескрупулезными торговцами, которые из Олимпийских игр сделали "шоу-бизнес" и средство собственного обогащения...

Олимпийский факел нового века, который первыми пронесли аристократы, чтобы передать его фашистам, а те - ястребам холодной войны, завершил в руках олимпийских маклеров. Те, которые больше всего клялись в Кубертена, стали гробовщиками его олимпийской идеи. С Атлантской олимпизм Кубертена пережил окончательный крах... ▲

**После Второй мировой
Олимпийские игры
становятся поприщем
холодно-военной
борьбы
между блоками...**

**Уже в середине семидесятых
годов становится очевидным,
что капитал берет
Олимпийские игры в свои руки
и становится хозяином
олимпийского движения.
Спортивные арены становятся
полем для расчетов между
крупными компаниями...**